

На самом деле, уже на второй вечер после того, как Цзян Чэн окончательно пришёл в себя, он наотрез отказался позволить Гу Шэну спать на полу. С вечера он ложился на кровать и читал несколько часов разные книги, а когда Гу Шэн приходил, вставал и уступал ему место, словно подражая Хуан Сяну, согревавшему постель.

Гу Шэн поначалу чувствовал себя неловко, но спать на кровати, которую занимал Цзян Чэн, было куда более приемлемо, чем спать с ним самим. Цзян Чэн, очевидно, хорошо понимал это и, устроившись на полу, похлопал по свободному месту рядом с собой, улыбаясь:

— Если хочешь, я не против потесниться.

Гу Шэн с подозрением посмотрел на него, не понимая, в чём подвох, и, приподняв одеяло, забрался в постель, которая сохраняла тепло мужского тела.

Это тепло делало влажную и холодную зимнюю ночь на юге чуть более терпимой. Гу Шэн засыпал спокойно, снов видел мало, и его болезненный, усталый вид постепенно исчезал.

На самом деле, удивление Гу Шэна было оправданным. Цзян Чэн был из тех, кто, не имея возможности получить мясо, довольствовался хотя бы бульоном, и уж точно не позволил бы Гу Шэну спать отдельно. Причиной, заставившей Цзян Чэна принять это мучительное решение, был физический аспект.

— В первую ночь он провёл большую часть времени, глядя на затылок Гу Шэна, и всю ночь был в напряжении, его спина была натянута, как струна, а сломанные рёбра будто вот-вот проткнут лёгкие, причиняя такую боль, что он едва мог с ней справиться.

Цзян Чэн боялся спать рядом с Гу Шэном, не зная, что может произойти, тем более что он всё ещё находился в полупарализованном состоянии и не мог позволить себе никаких физических нагрузок. В душе он был полон нежелания, но вынужден был утешать себя мыслью: «Главное — сохранить жизнь».

Теперь, видя, что Гу Шэн выглядит лучше, Цзян Чэн, несмотря на чувство вины, испытывал некоторое облегчение.

Гу Шэн был совершенно не осведомлён о сложном и богатом внутреннем мире Цзян Чэна. С тех пор как он договорился с местной театральной группой о совместных выступлениях, он полностью погрузился в переделку пьес и пение. Казалось, он был недоволен новым текстом, и однажды, когда Ян Сянь пришёл сменить повязку Цзян Чэну, Гу Шэн спросил:

— «Ханьшэн е юй суй лоци, Чжу юй гу юань сяо сян цзинь» — это правильный тон? Я забыл ритм второй части «Цин Юй Ань». Как она пишется?

Ян Сянь был шокирован:

— Зачем тебе это? Кто сейчас пишет стихи? Разве ты не говорил, что хочешь реформировать революционные пьесы? Ты что, хочешь пойти против течения и вернуться к старым традициям?

— Эээ... — Гу Шэн смутился, глядя на тетрадь в руках, и покачал головой. — Новая пьеса уже готова. Это отрывок из оперы, который мне прислал один поклонник. Он написал, что спешил и успел закончить только два акта. Я посмотрел текст, и он действительно хорош, поэтому хочу дописать слова. Но я учил стихи ради забавы, и теперь помню только, что этот жанр использует нисходящие тона, а остальное могу только подражать готовым стихам.

Ян Сянь с подозрением взял тетрадь и пролистал её. На первой странице каллиграфическим почерком была записана поэма Синь Цицзи «Цин Юй Ань: Юань Си», а под ней — черновик с исправлениями. Просмотрев несколько страниц, Ян Сянь удивился:

— Ты пишешь очень красиво!.. Погоди-ка, я давно хотел спросить: ты действительно актёр? Не может быть...

— Я просто люблю учиться, — небрежно ответил Гу Шэн, забирая тетрадь обратно. — Если не знаешь, иди отсюда.

— А? — Ян Сянь почувствовал, что его статус нового студента был принижен, но не смог ничего возразить, хлопнув себя по лбу. — Эй, наш Вэнь Эр должен вернуться сегодня! Он у нас самый образованный. Не спрашивай меня, я ведь медик. Спроси его, он точно знает!

Пока они болтали снаружи, Цзян Чэн внутри чувствовал, как у него на лбу вздуваются вены.

Когда Гу Шэн говорил с ним так много?

Последний раз такое было, когда они поссорились из-за разницы во взглядах!

Цзян Чэн никогда так сильно не сожалел о том, что в своё время не слушал учителя, иначе он бы понимал, о чём они говорят. Решив, что не может позволить им оставаться наедине, он откинул занавеску и вышел.

Снаружи внезапно раздался шум, и звук ботинок, быстро шагающих по деревянной лестнице, сопровождался громким стуком открывающейся двери. Ян Сянь первым воскликнул:

— Вэнь Эр!

Гу Шэн сидел спиной к двери и, услышав голос, обернулся. В узком дверном проёме появилась высокая фигура. Мужчина стоял против света, его высокие скулы отбрасывали тёмные тени, и лицо было трудно разглядеть, но в очертаниях его черт и резких линий носа чувствовалось что-то знакомое.

Гу Шэн замер, потирая переносицу.

За его спиной раздался дрожащий голос, словно кто-то с трудом выдавил слова:

— ...Брат?

25.

В комнате воцарилась тишина.

Цзян Сюй закрыл дверь, вежливо кивнул Гу Шэну и Ян Сяню и сказал:

— Не могли бы вы, господа, пройти вниз и найти себе место?

Гу Шэн закрыл тетрадь и ушёл. Цзян Чэн хотел схватить его, но не успел, а Цзян Сюй шагнул вперёд, схватил его руку и оттолкнул за занавеску. Неизвестно, знал ли он о ране на ноге Цзян Чэна, но он пригнул его колено и тихо сказал:

— Не смей себя вести так!

— Кто, чёрт возьми, ведёт себя так! — Цзян Чэн вырвался из его хватки, ударил его локтем в плечо и, с красными глазами, закричал:

— Я отправил несколько групп людей в Цзяннань, чтобы узнать о тебе, но ни слуху ни духу! А ты, оказывается, повернулся и присоединился к революционерам? Сменил имя на Вэнь Эр? Чёрт! Бессердечный ублюдок, ты что, играл со мной?!

Он ругался, как уличный хулиган, не обращая внимания на возраст и статус, и его слова были настолько грубы, что хотелось выбить ему зубы. Гу Шэн скрежетал зубами от ненависти, но его привычка к насилию, выработанная за долгие годы, не могла исчезнуть за один день.

Цзян Сюй смотрел на него, хмурясь, и, притащив стул, сел. Видя, что рука Цзян Чэна всё ещё лежит на бедре, он кивнул и смягчил тон:

— ...Как нога?

— Не сломана! — сердито ответил Цзян Чэн, потом добавил:

— Эй, ты серьёзно? Скажи мне правду, это не шутка!

Отношения Цзян Чэна с Цзян Сюем были сложными. Во-первых, Сун Шучжэнь всегда благоволила своему старшему сыну, и хотя в семье Цзянов Цзян Чэна не обижали, а Цзян Чжия даже больше любил своего второго сына, который был похож на него самого, между ними всё же стояла тяжёлая стена статуса. Во-вторых, когда Цзян Чэн был маленьким, он хорошо ладил со своим старшим братом, но, повзрослев, они пошли разными путями, обзавелись своими интересами, и их отношения неизбежно охладели, хотя детская привязанность не исчезла полностью.

Сун Шучжэнь изо всех сил старалась поставить Цзян Сюя на трон, а Цзян Чэна отправила за границу. Цзян Чэн смирился с этим, ведь Цзян Сюя с детства готовили быть наследником, и единственный путь для него — это построить свою карьеру самостоятельно.

Однако, когда он уже начал добиваться успеха за границей, Цзян Сюй внезапно исчез. Цзян Чжия на самолёте прилетел ночью на аэродром в пятидесяти милях от его дома, и несколько крепких мужчин вытащили его из бара, заковали в наручники и посадили в самолёт. Менее чем за двадцать четыре часа Цзян Чэн оказался перед своим отцом.

Когда Цзян Чэн протрезвел и обнаружил себя в главном зале родового дома, он был готов убить Цзян Сюя и всю семью.

Что это было?

Это было как использовать его, как туалетную бумагу, а потом выкинуть!

Цзян Чэн тут же взорвался. Вокруг дома Цзянов на два дня нельзя было находиться, всё было в хаосе, и в воздухе витала атмосфера смертельной схватки. Цзян Чжия оставался непоколебим, а Сун Шучжэнь плакала, как в истерике, и её крик раздавался в непрерывном осеннем дожде Цзиньчжоу:

— Цзян Чэн! Ты знаешь, кому обязан всем, что у тебя есть?!

Этот крик был как редкий ливень, окативший Цзян Чэна холодной водой, и он замер, остановившись на пороге. Его красные глаза поднялись из-под бровей, и он холодно посмотрел

на растрёпанную женщину.

Эх, Вэнь Лэн TVT, даже не знаю, что сказать... Может, попрошу подписаться? (плачет)

<http://bllate.org/book/16144/1445799>